Василий Аксёнов

Жаль, что вас не было с нами

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
А 42

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Аксёнов В.

А 42 Жаль, что вас не было с нами : роман, повести, рассказы / Василий Аксёнов. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 992 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-35345-9

Василия Аксёнова человеку читающему представлять не надо. Автор знаменитых «Коллег», пропитанного романтикой юности «Звездного билета», безумной, фантасмагорической «Затоваренной бочкотары», почти двух десятков романов, среди которых такие жемчужины, как «Остров Крым» и «Ожог», представленный в этом томе.

Роман «Ожог» многогранен и многомерен, автобиографичен и фантастичен. В нем есть всё — и сталинский Магадан, где прошла часть жизни писателя, и стиляжная «оттепельная» Москва, и мечущийся по трибуне Хрущев, пронзающий «бычьим глазом» низкопоклонствующих перед Западом формалистов, и феерические пьяные оргии прогрессивной московской интеллигенции, и щемящая до слез лирика, и даже гуляющий по Европе советский заблудившийся танк.

В книге, кроме романа, представлены как первые аксёновские рассказы эпохи журнала «Юность» («Без этих ранних, наивных „Асфальтовых дорог“ и „Дорогой Веры Ивановны“ знаменитый Василий Аксёнов, из джинсового пиджака которого, как из гоголевской „Шинели“, вышла вся новая русская проза, — далеко „не полный“». Евгений Попов), так и повести разных лет — «Стальная Птица», «Под небом знойным Аргентины» и «Рандеву».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© В. П. Аксёнов (наследники), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-35345-9

ЖАЛЬ, ЧТО ВАС НЕ БЫЛО С НАМИ

В двадцатых числах июня 1999 года мне и разным моим знакомым была послана имейлом анкета, оформленная в виде письма. Текст, который я получил, полностью звучал так:

Уважаемый г-н Етоев!

Тайный оргкомитет Первых Аксеновских чтений, которые состоятся 23 июня с. г. в 18:00 в Крымском клубе (Москва, Кутузовский пр., 3, арт-центр «Феникс»), приглашает Вас принять участие в этой акции.

Вне зависимости от того, будет ли у Вас возможность лично посетить Чтения, просим Вас ответить заранее на важные вопросы:

1. На какое живое существо (птицу, зверя, рептилию, членистоногое, дерево и т. п.) похож В. Аксенов?
2. Кем (каким) В. А. мог быть в прежней жизни?
3. Кем (каким) В. А. может оказаться в следующей?
4. На какие темы Вы побеседовали бы с В. А., оказавшись с ним в ближайшие дни попутчиком в самолете?
5. Прочли ли Вы последний роман В. А. «Новый сладостный стиль»?
6. Чего Вы пожелали бы В. А.?

Дополнительные вопросы:

1. Роль В. Аксенова в истории русской литературы.
2. Роль В. А. в становлении его эпохи.
3. Роль В. А. в его собственной судьбе.
4. Роль В. А. в Вашей собственной жизни (вплоть до малейших вкусовых, поведенческих и т. п. влияний).
5. В чем уникальность писателя Аксенова.

Наш адрес: sid@rinet.ru, телефон (095) 345-59-13.

Ваши ответы станут вкладом в сокровищницу мировой культуры.

Считаем себя обязанными сообщить, что близящиеся Чтения — псевдонаучные и входят в цикл акций Крымского клуба «Первые чтения» или «Коллекция интеллектуальных и художественных жестов в сторону знаковых фигур современного искусства» (в 1999 г. проведены Первые Рубинштейнианские, Некрасовские, Приговские чтения).

С надеждой,

Сид.

P. S. Василий Павлович, почетный Президент Крымского клуба, прибывает в Москву из Вашингтона накануне Чтений и непременно примет в них участие. Ваш ответ будет озвучен во время Чтений и через некоторое время помещен на открываемом в августе 1999 г. сайте Крымского клуба.

Сегодня, в первый день рассылки вопросника (на 21:30 18.06.99), на наши вопросы уже ответили Борис Стругацкий, Михаил Успенский, Максим Мошков, Баян Ширянов.

Не особенно долго думая, я сел за клавиатуру и скоренько настучал ответ:

Уважаемый тайный оргкомитет!

Отвечаю по пунктам на присланные Вами вопросы.

Основные вопросы.

1. На воздушный шар — самое живое из всех существующих во вселенной живых существ.

а) Воздушный шар — универсальная форма жизни; он одновременно и птица, и зверь, и рептилия, и членистоногое, и дерево, и т. п.

б) Воздушный шар — отражение человека будущего в зеркале современности.

в) В небе грустно без воздушных шаров.

2. Джонни Яблочным Зерном. Был такой реальный человек в истории молодой Америки, который ходил по стране

с мешком яблочных зерен и насаживал повсюду яблоневые сады.

Он же, кстати, первый придумал бейсбольную кепку с сильно вытянутым вперед козырьком.

3. Памятником, кем же еще? Моего дедушки Александра Сергеевича с книжкой Етоева в руке.

4. На самые ординарные — быт, здоровье, погода. Может быть, немного о литературе: спросил бы, почему он перестал писать для детей. Дети ведь тоже люди. «Мой дедушка — памятник» давно уже зачитан до дыр. Пора бы переиздать.

5. Стыдно. Год уже как лежит на тумбочке на расстоянии полувытянутой руки, а руку все не протянуть полностью — мешает сволочная работа. Но желание прочесть — острое.

6. Первое: добрых и справедливых читателей. Второе: не обижаться на дураков и лентяев.

Дополнительные вопросы.

1. Как роль Петра I в русской истории.

Прорубил окно в Америку. Избавил литературу от вшивости. Сбрил бороды и ввел в литобиход джинсы и ботинки на «манной каше». Вместо ансамбля «Березка» утвердил джаз. И так далее.

2. Самая непосредственная. В. Аксенов и поколение его читателей не дали неоперившемуся птенцу свободы: а) пригреться в теплом навозе священной коммунистической коровы; б) замерзнуть, когда ветер в стране сменил направление — с юго-западного умеренного на холодный с севера и востока, то бишь из мордовских лесов и прочих заповедных мест СССР.

3. Как литературный герой порою вдруг выходит из-под контроля автора и начинает жить самостоятельной жизнью, так и автор, подобно этому своему герою, может выйти из-под контроля жизненных обстоятельств и управлять ими по своему разумению.

По-моему, с В. Аксеновым происходило и происходит нечто подобное.

4. Я никогда не был ничьим фанатом. Фанат, по определению, человек слепой и глухой. Хорошо бы он был еще немым и безруким.

Поэтому богом Василий Аксенов для меня никогда не был.

Он был (и есть) для меня просто живой писатель, показавший живую жизнь, вкрапленную, как пузырек воздуха, в застывшую мертвую массу, которая нас всех тогда окружала.

Я человек эпохи бочкотары, глядите, как на мне топорщится пиджак... Топорщащийся пиджак героев Аксенова мы примеривали к себе. И топорщащаяся проза его рассказов, его блистательная фантасмагоричность, его «Затоваренная бочкотара», «Стальная птица», «Мой дедушка — памятник», «Золотая наша железка», «Поиски жанра» и прочее были как праздничный карнавал, как веселое первомайское шествие, где злодеи соседствуют с мудрецами, а негодяи необязательно берут верх над праведниками, как обычно бывает в жизни.

По-настоящему вещи Аксенова вошли в мою жизнь довольно поздно — где-то с середины 70-х, когда гремевшие десятилетием раньше «Звездный билет», «Апельсины из Марокко», «Коллеги», «Пора, мой друг, пора» давно отгремели и воспринимались уже как классика.

Это было время Галича, расцвет диссидентства, самиздата и тамиздата, и поэтому романы Аксенова, особенно изданные за бугром («Стальная птица», «Ожог»), укладывались в контекст охватившего тогда умы вольнодумства.

Когда, уже в 90-х, я перечитывал эти вещи, то прежде всего внимал их неординарной эстетике, а не их политическому заряду. В 70-е же они горячили кровь скорее своей актуальностью и более напрягали мышцы рук и лица, чем те закоулки мозга, что ведают эстетическими пристрастиями.

В конце 80-х, в самом начале горбачевских реформ, я даже написал письмо в журнал «Крокодил» после того, как там напечатали возмущенные письма читателей, якобы бывших когда-то поклонниками творчества Аксенова, но после его антисоветских выступлений на Западе готовых

выбросить книги писателя на помойку. Зачем на помойку, писал я в письме, лучше пришлите мне, и далее я прилагал список книг, которые я в то время безуспешно пытался отыскать.

Не знаю, как на меня повлияло творчество Василия Аксенова. Видимо, повлияло, как вообще влияют хорошие книги на творчество любого писателя.

5. В чем уникальность писателя Аксенова? В чем вообще уникальность любого хорошего писателя? Это вопрос таинственный и очень индивидуальный. Сколько у писателя читателей, столько, видимо, будет и ответов на этот вопрос. А у Аксенова читателей много, я интересовался и знаю. Что касается меня, то мой ответ складывается из суммы предыдущих ответов.

Не знаю, был ли мой ответ озвучен на Чтениях, да это, собственно говоря, и не важно. Главное, анкета дала мне повод высказать свое мнение о писателе, который для меня дорог. Мне этого более чем достаточно.

P. S. «Литературная газета» прокомментировала эту клубную акцию так:

Крымский клуб под занавес провел Аксеновские чтения, пригласив Василия Павловича послушать, что скажут о нем исследователи и поклонники; вторые явно возобладали, хоть и аттестовали себя по большей части критиками и филологами, а потому мероприятие проиграло в зрелищности аналогичным акциям, героями которых были более радикальные авторы...

Оставляю этот комментарий без комментариев.

P. P. S. Любовь, как известно, помесь низкого и высокого. Аиста и крокодила. Горек мед первых любовей, а их бывало с избытком. И Аксенов одна из них.

Золотое было времечко — шестидесятые годы. Стиляги в «атомных» пиджаках и в ботинках «на манной каше». Первые джинсы, которые тогда назывались «техасами». Джаз, записанный на «ко-

стях». А уж эти ужасные мальчики, хиляющие по «бродвею» с гитарой, — это, конечно, мы, хлебнувшие эликсира молодости.

Жаль, что вас не было с нами, дорогие молодые читатели.

Почитайте прозу Аксенова. Или перечитайте. Веселый разноцветный язык, на котором он говорит, вдруг да сделает и нас, читателей, веселее. Если, конечно, мы, читатели, не страдаем хронической глухотой.

Александр Етоев

НАША ВЕРА ИВАНОВНА[1]

На озере катер попал в болтанку. Барсуков сидел в каюте на клеенчатом диванчике и с отвращением смотрел в иллюминатор, который то поднимался в серое, понурое небо, то зарывался в сплошную зеленовато-желтую муть. Дверцы каюты открылись, и на трапе показались толстые подошвы. Семенов с трудом протащил свое тело внутрь, откинул капюшон, вытер мокрое румяное лицо и весело сказал:

— Разбушевалась стихия, прямо море-окиян! Ну как, Максим Сергеевич, легче?

Барсуков промолчал.

— У вас, кажется, высокая температура. Примите норсульфазол, а лучше всего водочки с перцем. В каюте холодно, июнь, черт его побери!

Озноб давно прошел. Барсукову было очень жарко, его душил кашель, и кололо в левом боку. «Пневмония», — подумал он и сказал:

— Давайте и то и другое.

— Скоро будет пристань. Может, вам лучше там остаться?

Барсуков плотнее завернулся в макинтош, он чувствовал: температура, наверное, не меньше сорока.

— Есть у меня страшный вражина, Виктор, — проговорил он, — мистер Ревматизм. Это вероломный тип. Стоит чуть зазеваться, как он нападает, и уж тогда, как говорится, ни дохнуть, ни...

— Пойду скажу, чтобы заворачивали, — пробормотал Семенов и полез наверх.

— Не надо! — крикнул ему вслед Барсуков.

---

[1] В сборнике «Катапульта» (М.: Советский писатель, 1964) рассказ опубликован под названием «Полторы врачебных единицы».

«И угораздило же вчера после осмотра верфи попасть под дождь! Ничего, до Ленинграда не загнусь, а там на самолет — и в Москву. Ленушка дома пенициллином накачает, и опять здоров старый конь — тащи воз, призы бери на скачках».

Резкая боль в правом коленном суставе, словно прошла сквозь тело длинная игла, заставила его застонать. Начинается! Теперь, он знал, суставы вспухнут, нельзя будет шевельнуться. Он встал, высунул голову в люк и крикнул:

— Виктор! Поворачивайте к пристани.

— А мы уже подходим, Максим Сергеевич, — ответил из рубки Семенов.

Сквозь частую сетку дождя были видны голубые постройки пристани и белый красавец — теплоход «Онега», ошвартовавшийся у причала. Здесь, за выступающим далеко в озеро каменистым мысом, волны были меньше. Катер бойко подбежал к причалам.

Семенов взял было Барсукова под руку, но тот досадливо поморщился — оставьте! — и, тяжело ступая, медленно пошел к проходу, за которым теснились в ожидании посадки пассажиры, в основном женщины с малыми детьми, с мешками и деревянными чемоданами. Барсуков открыл калитку; должностное лицо, приставленное для порядка, робко отступило.

— Где начальника найти? — спросил Барсуков.

— Начальник у нас уехавши, в отпуске.

— Ну кто там, зам или кто?

— Зам есть. Пожалуйте прямо, потом налево.

— Проводите! — коротко приказал Барсуков.

Заместитель начальника пристани Иван Сергеевич Сбигнев чаевничал у себя в кабинете, когда раздался короткий стук и в комнату вошел тяжеловесный мужчина явно не местного вида. Макинтош из серого наитончайшего габардина струился вниз серебристыми волнами. Такой макинтош был затаенной мечтой Сбигнева. Под мышкой вошедший держал кожаную папку с молниями.

— Здравствуйте, — сказал незнакомец, — моя фамилия Барсуков. — И протянул Сбигневу широкую ладонь.

Барсуков? У Сбигнева похолодело где-то внутри. «Что его к нам занесло? Он же был в... Вот оказия!»

— Сбигнев, — растерянно пробормотал он. — Прошу вас, садитесь. Чем могу служить?

В кабинет без стука ворвался Семенов.

— Разузнал, Максим Сергеевич! Больница водников, двадцать пять коек. Врач, как говорят, хороший.

Барсуков повернулся к Сбигневу:

— Вот, товарищ... Сбигнев, придется мне у вас отлежаться денька три: ревматизм разыгрался. Связь с Москвой у вас есть?

— С Москвой? — Сбигнев растерянно моргнул.

— Я имею в виду телефонную связь. Мне нужно будет часто говорить с Москвой.

— Это сделаем, обеспечим, товарищ Барсуков. Слышимость удовлетворительная.

— Ну, хорошо. Виктор, вы не задерживайтесь! Попросите Нестеренко отложить заседание коллегии до четверга. Впрочем, я сам ему позвоню. В Ленинграде распорядитесь насчет катера. Отправляйтесь!

— Максим Сергеевич, я хотел бы вас...

Барсуков поморщился: боль усиливалась.

— Вы слышали, что я вам сказал?

Он протянул Семенову руку, насильственно улыбнулся.

— Не обижайтесь. Вы дельный парень. Съездили мы с вами хорошо, да вот только чепуха эта немного напортила. В общем, проваливайте, товарищ Сбигнев обо мне позаботится.

— Это безусловно, не волнуйтесь! — Сбигнев суетливо вскочил. — Сейчас распоряжусь насчет машины.

Он вышел из кабинета вместе с Семеновым. Максим Сергеевич видел в окно, как Семенов обычной своей энергичной походкой прошел по причалу и спрыгнул вниз, на палубу катера. Барсуков поймал себя на том, что уход Семенова вызвал у него странное детское чувство одиночества и беззащитности.

...Пристанский газик ухал по разбитому булыжнику мимо низких бревенчатых строений. Улицы поселка под непрерывным моросящим дождем выглядели нерадостно. По дощатым мосткам спешили согбенные фигурки. Холодные тучи, как стадо животных с тяжелыми, отвисшими животами, двигались со стороны озера. Барсуков хорошо знал свойства этого северного края. Непривычному человеку здесь в такую погоду впору в петлю лезть:

на редкость мрачные мысли внушает этот понурый пейзаж. Но стоит доброму ветру разогнать тучи, как природа вокруг оживает и воздух наполняется особым, пронзительным блеском. Озеро, подобное морю, вытекающая из него река и великое множество мелких озер в лесах — вся эта огромная масса воды отражает солнце и распространяет вокруг пронизывающее сияние. Тогда меняются и люди.

Однако сейчас Барсукову было не до погоды. Затихшая было боль возобновилась с новой силой. Суставы горели, в груди будто возился кто-то и сжимал временами сердце в огромной пухлой лапе, оглушительно стучало в висках. Ему казалось, что сейчас он потеряет сознание.

Газик выехал из поселка и помчался по берегу реки, которая в этом месте вытекала из озера сразу мощным, широким потоком. Барсуков видел на середине реки темный силуэт самоходной баржи и свой маленький катер, несущийся ей вдогонку. Ему показалось, что катер вот-вот врежется в баржу. «Что они делают? Идиоты! Семенов... Славный малый Семенов! Такие люди нам нужны. Интересно, женат ли он? Ленушка в девках засиделась... Лена... Лена! Это папа. Да, это я, старик. Девочка, я немного задержусь. Коллегия... Нестеренко... Товарищи! Меня просили быть кратким... Что? Почему у вас такие лица? Погибаем? Я погибаю? Налетим на баржу? Нет! Нет!»

Сидящий на заднем сиденье Сбигнев был смертельно напуган: товарищ Барсуков запрокинул голову и выкрикивает нелепые фразы:

— Колька, гони! Чего доброго, не довезем...

Шофер отжал сцепление и весело ухмыльнулся:

— Довезем, ничего! Жар у них большой. Ничего, мужик здоровый.

Больница находилась в километре от поселка в березовой роще: продолговатое одноэтажное здание барачного типа — восемь окон с марлевыми занавесочками по фасаду. Штат в больнице небольшой — полторы врачебных единицы и пять с половиной сестринских. Полторы врачебных единицы — это Вера Ивановна Горяева, год назад просто Верочка Горяева, выпускница Ленинградского мединститута. Когда привезли Барсукова, Веры Ивановны не было в больнице. В это время она храбро карабкалась

на борт баржи № 4165: у жены шкипера начались роды. Через час, когда наследник шкипера мощным воплем возвестил о начале своей жизни, она вышла на палубу и вдохнула полной грудью мокрый воздух. С берега к барже направлялась лодка.

— Вера Ивановна! — крикнули оттуда. Она узнала больничного кучера Володьку Никанорыча. Он греб изо всех сил и весело орал: — Вера Ивановна! К нам министера привезли! Давай скорей!

— Какого министра, что ты мелешь?

— Право слово, министер из Москвы! Сбигнев уж телефон весь оборвал.

В больнице был переполох. Ходячие больные толпились в коридоре. Из дежурки доносились сердитые голоса Сбигнева и Клавы, дежурной сестры. Вера Ивановна, решительно стуча каблучками, прошла прямо в третью палату: только там была свободная койка.

Барсуков лежал в полузабытьи. Он смутно видел женские лица и чувствовал прохладные пальцы, ползающие по его телу. Однако он сказал:

— Доктор, главное сейчас — пневмония. Начните с нее.

— Спокойно, больной, тише, — услышал он нежный женский голос, похожий на голос Лены. — Скажите, есть у вас боли в сердце?

— Очень сильные, доктор.

— Сжимающего характера?

— Да.

Вера Ивановна повернулась к Клаве:

— Начните сразу же пенициллин по двести тысяч через четыре часа, сделайте камфору и кубик пантопона... Нужно снять спазм коронарных сосудов, — добавила она.

Барсуков закрыл глаза. Все правильно. Славная девочка. Присутствие этого девичьего лица, темных кудряшек из-под шапочки как бы внесло атмосферу домашнего уюта и спокойствия. Если бы не боль, было бы даже приятно лежать в центре всеобщей заботы и чувствовать вокруг себя движение нежных и уютных существ.

Вера Ивановна долго еще сидела возле «министера», выслушивала фонендоскопом сердечные тоны и дыхание, измерила

кровяное давление. После укола пантопона Барсуков уснул. Вере Ивановне понравилась его большая голова с седыми висками, крупные, волевые черты лица. Сразу видно: большой человек. Такими в кино последнее время изображают начальников, временно оторвавшихся от масс, а потом осознавших свои ошибки.

Она совсем забыла о Сбигневе и удивилась, увидев его в дежурке. Он поднялся ей навстречу:

— Ну как, Вера Ивановна?

— Думаю, что все будет в порядке.

— Что вам нужно для лечения? Обеспечим. Может, консультанта вызвать из Ленинграда?

— Что же консультировать? Диагноз не вызывает сомнений. Вот на рентгене бы надо посмотреть, да вы же нам тока не даете.

— Ток дадим, обеспечим. А то, может, вызвать профессора какого-нибудь? Знаете, Вера Ивановна, товарищ Барсуков — очень, очень крупный товарищ!

— Да-да, я слышала... Как хотите. Вызывайте.

Человек болезненный, Сбигнев любил медицину и медицинских работников. Даже к этой девчонке, с которой у него не раз бывали стычки по хозяйственным вопросам, он питал определенное почтение. Поэтому он обратился к ней не тоном приказа, а мягко, даже просительно:

— Вера Ивановна, нужно окружить товарища Барсукова заботой. Это будет иметь большое значение для нашей пристани, да и для вас, пожалуй.

— О чем вы, Иван Сергеевич?

— Надо выделить отдельную палату. Я понимаю, у вас перегрузка, но...

— Куда же мне девать больных? Нет, я этого не сделаю.

— А нельзя ли кого-нибудь выписать? Есть, наверное, такие, что залежались? — Голос Сбигнева достиг предела вкрадчивости.

— Нет таких, — отрезала Вера Ивановна и, стараясь не обращать на него внимания, принялась заполнять историю болезни.

— А я все-таки настаиваю на отдельной палате! — повысил голос Сбигнев. — Из третьей можно вынести три койки в коридор, ничего не случится с дедом Малофеевым.

Вера Ивановна отбросила ручку и подняла голову. Лицо ее пылало; голос стал звонким и ударил Сбигнева, как гибкий металлический хлыст:

— Как вы смеете? Распоряжайтесь у себя на работе! Там вы даже позволяете себе ставить беременных женщин на погрузку, а здесь я вам не позволю... Я врач! Понимаете? Мне безразлично, кто мой больной: министр, шкипер или лесоруб.

— Ну, знаете ли, ставить на одну доску лесоруба и товарища Барсукова!..

— А почему бы и нет? — запальчиво воскликнула Вера Ивановна. — Ведь это же товарищ Барсуков. — Она сделала ударение на слове «товарищ».

В голосе Сбигнева тоже появились металлические звуки:

— Я сообщу о вашем поведении в райком. Вместо того чтобы выполнять распоряжение, вы занимаетесь демагогией.

Вере Ивановне стало весело.

— Сообщайте куда хотите, но не забудьте про электричество.

Сбигнев схватил кепку и устремился к выходу.

К вечеру усилился ветер. Он налетел с юго-запада короткими теплыми шквалами и раскидал по небу и отогнал к горизонту серые северные тучки с их нудным моросняком. Небо очистилось, но с юга уже наплывала, поднимаясь все выше огромными клубами, темно-синяя могучая туча. Она, казалось, дрожала от страсти и еле сдерживаемой силы, она поглотила солнце и украсила свои края горящей оранжевой каймой, она была воинственна и шла напролом, занимая все небо. Но люди, звери и растения ждали ее атаки с радостью, потому что это была наконец-то настоящая летняя туча! Потемнело небо, и вода стала темно-синей, как туча. Стукнули по шиферу первые капли. Туча разверзлась молнией — радостно и плотоядно улыбнулась. Туча загрохотала — и сразу полились вертикальные сплошные струи настоящего летнего ливня. Шум стоял невообразимый. Туча оглушительно хохотала, дождь колотил по крышам, налетавший порывами ветер срывал водяную пыль. Буря!

Созвучные явления, видимо, происходили в организме Барсукова. Он метался на кровати, скрежетал зубами, выкрикивал бессвязные слова: организм мощно боролся с инфекцией. Клава стояла в дверях палаты и смотрела на красного, потного Барсукова. Дважды она проверила пульс и один раз ввела камфору. Она решила не вызывать Веру Ивановну: она знала, что это хорошая буря.

Барсукова разбудил солнечный луч. Скосив глаза, он увидел в окне солнечное утро. Река, мокрая трава и березы — все это дрожало и отражало свет. На потолке плясали солнечные пятна. Барсуков поднял голову. Она оказалась легкой и настолько свежей, что он чувствовал корни волос. Он увидел свое тело, распростертое на кровати. Согнул руку и с удовольствием отметил, как вздулся рукав рубашки под напором бицепса.

«Все же крепкий я мужик, — подумал он. — Вот уже и здоров!»

Он согнул правую ногу. «Э нет! Больно. Не так, как вчера, но еще есть. Ничего, завтра все будет в норме».

Он посмотрел вокруг. Веселенькая палата: белоснежные стены, печка-голландка, в углу — сверкающая лампа-соллюкс. Ого! Барсуков только сейчас заметил, что находится под внимательным наблюдением четырех голубых глаз. Встретившись с его взглядом, одна пара глаз юркнула под одеяло, а другая весело ему подмигнула. Обладателем ее оказался плешивый дед с громадной седой бородой. Подмигнув Барсукову, он выпростал из-под одеяла костлявые свои ноги, сел на кровати, завязал тесемки кальсон, сощурился на солнце, чихнул и сказал:

— С погодкой вас! Здравствуйте!

Затем сунул ноги в шлепанцы, встал во всем своем непотребном виде, вытаскивая из бороды запутавшийся в ней большой, с пол-ладони деревянный крест.

— Что, дед, из раскольников сам будешь? — спросил Барсуков.

— Из них, — охотно ответил дед. — Только еще во младости лет, как папаша на меня епитимью наложил, так я из дому и шастнул. Очень уж до гулянок я был охоч.

— И водку пил?

Старик захихикал, крутнул головой, махнул рукой на Барсукова:

— С малолетства.

— А кой же тебе годок?

— Девяносто третий.

— В больнице, чай, впервой?

— Впервой, и то, видишь, фельшар повалил глисту гнать широкую. Не распространяй, говорит, эпидемию, Малофеич.

Барсукову стало весело. Хороший дед, крепенький, как дубок, и весь лучится доброжелательством! Вскоре поднялись и другие

соседи по палате: мрачноватый молодой детина и второй обладатель голубых глаз — мальчик лет двенадцати. Дед Малофеев отдернул шторку.

— А вон и наша Вера Ивановна бежит. Красивая девушка, — вздохнул он.

Барсуков поднялся на локте и взглянул в окно. По березовой роще бежала, прыгала через лужи Вера Ивановна в очень модном открытом платье с яркой пляжной сумкой в руке. Ее раскрасневшееся лицо с блестящими глазами было очень молодо. К ней, подхалимски крутя хвостом, бросился прижившийся при больнице пес Степка. Приподнял картуз кучер Володька Никанорыч.

Ей было весело сегодня, казалось, что этот день будет необычным и что сегодня что-то изменится в ее однообразной жизни. Вера Ивановна работала самозабвенно, стараясь не вспоминать то, от чего отказалась, уехав сюда. Свою работу она любила больше всего. С утра до ночи в бегах. Больница, амбулаторный прием, вызовы, снова больница... Старики, дети, роженицы... Катары, пневмонии, переломы, дизентерия... Фонендоскоп, шприц, скальпель... Это сейчас составляло ее жизнь. Она не чувствовала себя отверженной, она была счастлива и писала домой восторженные письма. Но по вечерам, когда она видела на реке движущиеся огни «Онеги» — горящее чудо с зеркальными стеклами, с волнующим джазовым басом, — ей хотелось крикнуть: «Подождите! Возьмите меня с собой! Я хочу быть с вами, стоять на палубе, танцевать под этот рокочущий ласковый бас. Ведь я еще молода. Остановитесь! Сейчас я плыву к вам. Подождите!»

— Здравствуйте!

Вера Ивановна, затянутая в белый халатик, появилась в дверях палаты и сразу подошла к постели Барсукова.

— Ну, сегодня нам лучше? — профессиональным тоном спросила она.

— Благодарю, лучше, Вера Ивановна, — сказал Барсуков, и в глазах его мелькнули иронические искры. Черт возьми, точно такую же девчонку в Москве он называет Ленкой, и это она, его дочь, а здесь вот стоит Вера Ивановна, просто доктор.

Вера Ивановна присела на его постель, взяла пульс. Ей было немного не по себе: таких больных она еще не знала. Здешние

жители: лесорубы, рыбаки, трактористы — не видели многоэтажных клиник, седобородых профессоров, сложной аппаратуры. Они верили ей, докторше из Ленинграда, и испытывали магический страх перед трубочкой фонендоскопа.

— Доктор, — сказал Барсуков, — я почти здоров. У меня к вам просьба. Дело в том, что товарищ Сбигнев — кажется, так? — обещал мне устроить связь с Москвой. Я попрошу вас позвонить ему и сказать, чтобы мне сюда поставили телефончик.

— Это невозможно, — ответила Вера Ивановна.

— Почему?

— Во-первых, вам сейчас нельзя не только говорить по телефону, но даже и приподниматься. Еще неизвестно, может быть, у вас был инфаркт. Завтра Сбигнев даст машину, и мы съездим в район за электрокардиографом, проверим. А во-вторых, здесь же другие больные, вы должны понять.

Барсуков обозлился. Какой инфаркт? Что она, с ума сошла? Это же значит сорок дней лежать неподвижно. Здесь? Мысль о том, что он не сможет сделать доклада о своей поездке на коллегии министерства в следующий четверг, была ему невыносима.

— Да вы что? Инфаркт? Чепуха! — сказал он грубо. — Вы вот что... Когда «Онега» идет обратным рейсом?

— Дня через три будет здесь.

— Ну вот что, забудьте вы о всяких там инфарктах и лечите-ка меня от ревматизма в ударном порядке. Салицилку в вену начинайте колоть. Прекрасный метод, мне в сорок втором делали на Чукотке.

— Нет, в вену не будем: в сорок втором у вас сердце было другое. Как вы не понимаете? Вы тяжело больны... Крупозная пневмония, обострение полиартрита плюс подозрительные явления со стороны сердца. По инструкции...

Барсуков вспылил окончательно. Она еще берется судить, какое у него сердце! Во всяком случае, оно не боится инструкций. В глубине души он понимал, что ведет себя нелепо и по-детски, но все-таки закричал:

— А как вы не понимаете, что мне в следующую среду необходимо быть в Москве? По делу большой государственной важности!

Вера Ивановна густо покраснела, но сказала твердо:

— Это совершенно невозможно, я не могу рисковать.

— Боитесь ответственности? Я вам расписку дам! Вы еще молоды, а уже... — Он хотел сказать «трусливы», но сдержался.

«Действительно, черт побери, ты себя не щадишь, горишь — да-да! — на работе, а как часто приходится сталкиваться с косностью, равнодушием, трусостью! Замыкаются люди в своей специальности и боятся нос высунуть дальше рамок циркуляра. И эта девчонка ни черта еще не понимает, а бумажек уже научилась бояться».

— Я требую! — начал он.

— Успокойтесь, больной! Нюра, сними с больного рубашку, — хладнокровно сказала Вера Ивановна.

Оставшись без рубашки, Барсуков закрыл глаза в бессильной ярости. И вновь по его телу умиротворяюще поползли прохладные пальцы, мягко уперлась в ребро трубочка.

После обхода к нему подсел дедушка Малофеев:

— Ты, слышь, как звать-то тебя?

— Максим Сергеевич.

— Ты вот что, Сергеич, характер свой Вере Ивановне не показывай. У нас этого не дозволяется. Мужик ты, видать, справедливый, да заносчивый. Так вот, норов свой прячь: она тебе добра желает.

— Да дело-то, дед, государственное!

— Ничего, дело и без тебя пойдет, не пропадет государство наше. Куды ты сейчас поедешь на этаких ногах? А Вера Ивановна, вон, видишь, — дед кивнул на окно, — на прием уже побежала, в амбулаторий, а там у нее дитят больных куча визжит. Мужики говорят, у ей в Ленинграде папаша, может, чуть помене тебя шишка. Могла дома прохлаждаться, а вот приехала к нам в пустыню. Бескорыстная женщина!

— Идеализируете вы ее! — с досадой сказал Барсуков.

— Это верно, — охотно согласился дед.

Весь день Барсуков провел в терзаниях. Он знал, что его сомнения необоснованны, что Семенов все выполнит отлично, что коллегия может пройти и без него — доклад он составил еще в Петрозаводске, и что престиж ничуть не пострадает от его отсутствия, но такова уж была его закваска, закалка двадцатых годов: отдаваться делу целиком, самому доводить все до конца, жать впе-

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ АКСЁНОВ

ЖАЛЬ, ЧТО ВАС НЕ БЫЛО С НАМИ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Юлия Теплова, Антонина Семенова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.10.2026.
Формат издания 60 × 88 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 60,76. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге,
195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Санкт-Петербор қ.,
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербор,
Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Отпечатано в России.

www.azbooka.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
https://certification.atticus-group.ru/

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ARL-44864-01-R